

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

г. XXXVI

№ 33

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 20-го августа 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Пошаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 39.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

А. К. Шеллера-Михайлова.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. И. Печковской,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ряшельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р. За
гра-
ницу. **12 р.**

Сытые. Картина К. Полликъ, грав. Гедана.

Испорченная натура.

Повѣсть.

Кн. М. В. Волконской.

I.

На кладбищѣ, занесенномъ почти сплошь раннимъ зимнимъ снѣгомъ, такъ что приходилось расчищать дорожки метлами и лопатами и посыпать ихъ пескомъ,— было беззвучно, морозно и непривѣтно, совсѣмъ не такъ было, какъ бываетъ весной. Тогда, т. е. весной, ранней весной, на горожанина вмѣстѣ съ запахомъ почекъ, травы и листьевъ, растущихъ въ изобиліи на мѣстахъ успокоенія, вѣть съ кладбища миромъ и чѣмъ-то мечтательно-спокойнымъ, пожалуй, даже отраднымъ, отчего часто горожане, возвращаясь съ кладбищъ, съ особой интонаціей говорятъ: «а какъ тамъ хорошо!»—Теперь же никто не сказалъ бы, что на кладбищѣ было хорошо... Было холодно и, казалось, вотъ-вотъ станетъ еще холоднѣе, еще печальнѣе, еще хуже... Задуетъ вѣтеръ, запылитъ снѣгомъ, закрутитъ, закачаетъ сѣрыми помертвѣлыми сучьями деревьевъ, и негдѣ будетъ укрыться... И становилось жутко, страшно... Страшно поневолѣ...

По одной изъ дорожекъ кладбища именно съ этимъ ощущеніемъ жутки и невольнаго страха быстрыми шагами, запахиваясь въ раскрывавшуюся вѣтромъ зимнюю шинель, шелъ гусарскій ротмистръ Юрій Павловичъ Авдѣевъ. На кладбищѣ было безлюдно. Бывшіе вмѣстѣ съ нимъ на похоронахъ всѣ давно уѣхали, а онъ тутъ былъ одинъ, подавшись невольно сентиментальному чувству...

Хоронили Анну Александровну Данилову, эту милую, черноокою Анну, имѣвшую въ жизни не мало романовъ и когда-то бывшую и съ нимъ въ связи. Она надоѣла ему тогда, и онъ отдѣлался отъ нея, потому что она дышать не давала ему своею ревностью. Но послѣ первыхъ мѣсяцевъ отчужденія она утѣшилась, какъ онъ называлъ ея поступокъ, взяла себѣ новаго обожателя, взяла потому, «что ей надо было забыться, и ей было все равно», — какъ поясняла она,—и отношенія ея съ нимъ остались даже дружескими, какъ требуется свѣтскими правилами и преподается въ излюбленныхъ русскихъ дамами романахъ Буржэ. А бѣдная, милая, черноокая Анна хотѣла походить на героиню Буржэ и походила на нихъ. И Авдѣевъ, пріѣхавъ на похороны, невольно вспоминалъ привычки, слова, милья, граціозныя слова когда-то безумно-любимой и, главное, желанной, а потомъ покинутой женщины. Онъ вспоминалъ почему-то запомнившуюся ему сцену выжиданія ея въ началѣ ихъ связи на углу Малой Конюшенной, когда онъ топтался на мѣстѣ, зачѣмъ-то растопыривъ ноги, и въ нетерпѣніи глядѣлъ вдоль улицы, повернувъ спину къ Невскому, и невольно все время видѣлъ санки и покрытыхъ ковровыми попонами рысаковъ и извозчиковъ-лихачей, обмахивающихъ экипажъ и лошадей волосяной метелкой. Онъ вспоминалъ ту дрожь удовольствія, которая пробѣжала по его спинѣ, когда, наконецъ, онъ замѣтилъ ее... Она шла своей особенной, быстрой, легкой походкой, особенно прямо держа голову... И какъ она была мила тогда, и какъ желалъ онъ ее тогда, и какъ получалъ желаемое!.. И онъ тутъ же вспомнилъ всѣ ея наивно-хитрые и потому особенно удававшіеся извороты, ея фразу, часто обращенную къ мужу, когда она имъ, т. е. ей и Авдѣеву, мѣшала: «му-у, уйди! Ты такой скучный!»

И съ какой обаятельной, граціозной простотой говорила она, съ удареніемъ на «такой», эту фразу! И мужъ добрякъ; ничего не подозревавшій, уходилъ...

Авдѣевъ вспомнилъ и вспоминалъ это еще въ церкви, во время отпѣванія, видя въ ракурсѣ великолѣпный гробъ съ чѣмъ-то пышнымъ тюлевымъ и кружевнымъ,

какъ у невѣсты, съ цвѣтами, скрывавшими и украшавшими то безобразное, что, онъ зналъ, таилось подъ этимъ дѣвственно-чистымъ тюлемъ... Вспоминалъ это и послѣ, когда могильщики взяли гробъ у него и мужа, и другихъ людей (и онъ невольно подумалъ, что эти люди, несшіе съ нимъ гробъ, тоже, можетъ-быть, были ей близки), вспоминалъ и послѣ, когда подъ впечатлѣніемъ искренняго горя мужа и горячихъ слезъ двухъ небольшихъ дѣвочекъ, ея дочерей, самъ размягчился и умилился, и пошелъ въ глубь кладбища, пока зарывали ея могилу, чтобы потомъ еще разъ наединѣ перекреститься тамъ, гдѣ лежало когда-то доставившее ему столько восторговъ любви и потомъ такъ надоѣвшее именно этою любовью, этимъ требованіемъ любви, существо. Но могильщики нескончаемо долго зарывали могилу, гораздо дольше, чѣмъ онъ могъ предположить. Всѣ съ кладбища уѣхали, уѣхалъ даже бѣдный, искренно безутѣшный добрякъ-мужъ и ея дѣвочки; а могила все еще не была готова, и когда стало холодно, Авдѣевъ, послѣ болѣе часового, какъ ему казалось, блужданія по кладбищу, вернулся къ мѣсту, гдѣ онъ ожидалъ найти насыпь и крестъ, и онъ увидѣлъ то, что въ душѣ назвалъ мерзостью запустѣнія, т. е. сравненную съ почвой яму, верхній слой земли которой былъ затоптанъ въ разныхъ направленіяхъ большими (судя по слѣдамъ) ногами, валявшіяся метлы, лопаты, и мужиковъ, о чемъ-то перебранивавшихся и курившихъ, отплеываясь, папирасы.

Все поэтичное настроеніе Авдѣева отлетѣло, ему стало чего-то противно и жутко, и онъ быстро пошелъ прочь.

«Вотъ жизнь! Вотъ жизнь! — бессмысленно повторялъ онъ внутри себя, и ему приходило на умъ, что не стоить для этого жить, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось, страшно хотѣлось скорѣе уйти туда, гдѣ есть люди, гдѣ нѣтъ смерти, и гдѣ ничто не напоминаетъ объ этой засыпаемой ямѣ съ затоптаннымъ верхнимъ слоемъ земли. — А завтра пріѣхать — все будетъ въ порядкѣ, — спѣшными шагами направляясь туда, гдѣ, онъ зналъ, вела дорожка къ выходу, размышлялъ Авдѣевъ. — Все будетъ жалко, грустно, но не противно, не отвратительно... Вотъ... А еще говорятъ:—искусство не нужно... Поди-ка, погляди, не то, что на жизнь, а на смерть—безъ искусства!..»

И Авдѣевъ чувствовалъ, какъ холодъ морозитъ его спину при мысли о раскрытыхъ глазахъ и откинушемся ртѣ, и тотчасъ ему опять вспомнилось, что это были не его мысли, а именно это говорила она, Анна, и онъ не любилъ, когда она такъ говорила, и называлъ ее въ шутку «траписткой», и старался отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей. И онъ опять вадрогнулъ при мысли и яркомъ представленіи, чѣмъ стала и будетъ теперь становиться все болѣе она, говорившая это.

На кладбищѣ, между тѣмъ, дѣлалось все непривѣтнѣе и холоднѣе. Солнце, облившее снопомъ золотыхъ лучей гробъ, когда его готовились опустить въ могилу, и мѣсто, куда его принесли, и сказавшее сердцамъ присутствующихъ людей что-то прекрасное, безсловесное, какое-то обѣщаніе, внятное каждому по силѣ красоты,—солнце ушло за тучи, и тучи эти съ каждой минутой все сгущались: казалось, вотъ-вотъ начнется метель.

Авдѣевъ свернулъ, прибавилъ шага и почувствовалъ что-то въ родѣ облегченія, завидѣвъ входныя ворота и стоявшихъ возлѣ нихъ безобразныхъ кладбищенскихъ нищихъ. Нищие эти раньше стояли у церкви, потомъ съ похоронами, какъ вороны и могильные черви (такъ казалось Авдѣеву), перешли къ могилѣ, и хотя Авдѣевъ

зналъ, что нищѣ эти составляютъ принадлежность русскихъ кладбищъ, онъ, какъ всегда, увидѣвъ ихъ тогда у церкви и у могилы, содрогнулся и подумалъ: «откуда только собираются именно такіе на кладбищахъ?...» — и тотчасъ постарался отогнать отъ себя воспоминаніе о нихъ. Но теперь, какъ ни странно это сказать, видъ этихъ нищихъ обрадовалъ его: все же это были люди, живые люди. И онъ тутъ же вспомнилъ, что между ними былъ знакомый всѣмъ хоронившимъ здѣсь, ходившій въ фуражкѣ съ военнымъ околышемъ и говорившій по-французски, Иванъ Михайловичъ, пропойца, съ красными отмороженными руками, отставной капитанъ Д-скаго полка. И тотчасъ Авдѣевъ подумалъ, что онъ скажетъ этому Ивану Михайловичу, и сталъ, прищурясь, приглядываться, тамъ ли онъ. Жизнь, дыханіе жизни — начинало охватывать его, и Авдѣевъ начиналъ чувствовать себя вновь собою.

Вдругъ онъ невольно вздрогнулъ. Вдали, у выхода, чья-то рука, въ грязномъ, рваномъ, овчинномъ тулупѣ поднялась, опустилась, раздался раздираемый крикъ, и отъ воротъ и стоявшихъ у нихъ оборванцевъ отделился ребенокъ, заматанный въ кучу грязныхъ, сѣрыхъ тряпокъ. Ребенокъ этотъ побѣжалъ — было внутрь кладбища, но, добѣжавъ до первыхъ кустовъ, повернулъ обратно и съ тѣмъ же раздираемымъ крикомъ выбѣжалъ за ворота, на улицу.

«Бьютъ!» — морщась, подумалъ Авдѣевъ, и онъ, подойдя къ воротамъ, съ хмурымъ лицомъ обратился къ кучкѣ человѣческаго отребья.

— Кто ударилъ? Зачѣмъ? Чей это ребенокъ?

Съ секунду длилось молчаніе, потомъ заговорило нѣсколько голосовъ, и нѣсколько рукъ, обмотанныхъ въ разную ветошь, протянулись къ женщинѣ съ пестрымъ отъ синяковъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ.

Женщина эта, въ изодранномъ дубленомъ полушубкѣ, въ онучахъ и лаптяхъ, держала на рукахъ грудного ребенка, укрытаго ситцевымъ грязнымъ одѣяломъ, и съ нескрываемой злобой глядѣла и на окружавшихъ ее товарищей, и на Авдѣева. Къ ногамъ ея прижимался мальчикъ лѣтъ трехъ, увязанный съ головой въ женскій старый ковровый платокъ.

— За что-жъ ты ее? А? — обратился Авдѣевъ, поглядѣвъ сквозь ворота на улицу, гдѣ стояло выбѣжавшее на улицу человѣческое маленькое существо, и повертывая голову къ женщинѣ. — А, за что? — переспросилъ онъ, слушая и нехорошо понимая объясненія бродягъ, что ребенокъ не ея, что его въ полицію надо бы сдать, что гдѣ-жъ ей кормить... а полиція не беретъ...

Авдѣевъ въ упоръ глядѣлъ на нищю, ожидая отъ нея объясненій. Но женщина молчала.

— Какъ не ея? — спросилъ Авдѣевъ, понявъ, наконецъ, что ему говорили, перебивая другъ друга, бродяги, затемняя посторонними замѣчаніями смыслъ рѣчи. — Какъ не ея? Чей же?

— Сторожа кладбищенскаго, сторожа, — кивая головой, внушительн опояснѣла въ полголоса худая старушканищя, одѣтая опрятнѣе другихъ, въ военное пальто старичка-генерала, подаренное ей вдовой покойнаго. — Мать-то умерла... А отецъ спился... Трое ихъ осталось... Старшенькія-то невѣмо куда ушли... Нищенки... А эта вотъ младшая будетъ, за Фросиньей увязалась... А гдѣ же ей кормить, Фросиньѣ-то? Своихъ двое...

— Такъ за что-жъ ты ударила ее? — помолчавъ, спросилъ Авдѣевъ, вновь обращаясь къ женщинѣ съ дѣтми, чувствуя, что попалъ въ неразрѣшимую дилемму.

«Гонить отъ себя, оттого что кормить нечѣмъ. Оттого и ударила, — мысленно рѣшилъ онъ и мысленно же пожалъ плечами. — Что ужъ тутъ подѣлаешь? — И ему вдругъ захотѣлось дать другивенный, ну, тридцать копеекъ, и поскорѣй уйти прочь отсюда. — Прочь, прочь!»

— Ее бы... ваша милость, въ пріютъ... — убѣдительнымъ шопотомъ, подобострастно проговорила старушка въ военномъ пальто.

Она, очевидно, чувствовала, что умѣетъ говорить съ господами, вліять на нихъ и теперь пользовалась, старалась пользоваться своимъ умѣньемъ, глядя въ упоръ старыми, выцвѣтшими, голубыми глазами на Авдѣева, искавшего по карманамъ и не находившаго кошелька.

Нищѣ, между тѣмъ, приблизились къ говорившимъ и не пропускали ни одного движенія гусара. На лицахъ многихъ брезжила еще будто прикрытая наружнымъ покровомъ выжидательная улыбка. Пропойца Иванъ Михайловичъ съ отмороженными руками сталъ ежиться и потирать этими руками другъ о друга, и все лицо его выразило нетерпѣніе и восторгъ. Глаза прищурились и заискрились...

Авдѣевъ взглянулъ на него и невольно усмѣхнулся.

— Что-жъ, un petit verre въ этотъ холодъ не лишнее! — сказалъ онъ, доставъ кошелькъ, открывая его и засовывая въ него пальцы.

И онъ лукаво взглянулъ на приложившагося къ козырьку Ивана Михайловича.

— Ну авъ рэзонъ, капитанъ, — входя въ свою обычную роль, доставляющую ему нѣсколько лишнихъ грошей отъ трогавшихъ его французской рѣчью господъ, отвѣчала Иванъ Михайловичъ и сталъ слѣдить за пальцами, шевелившимися въ сѣромъ кошелькѣ.

Неожиданно прежній раздираемый дѣтскій крикъ огласилъ воздухъ, и маленькое существо, выбѣжавшее съ кладбища, такъ же стремительно вбѣжало въ него, и пробѣжало мимо Авдѣева и нищихъ.

— Чего это она теперь? — оглядываясь на ребенка, не понимая причины крика, спросилъ Авдѣевъ, и не столько слушая объясненія, сколько слѣдя за старухой въ военной пальто, онъ понималъ причину.

Старуха, морща длинный носъ, нагнувшись, взяла кусокъ слетѣвшей отъ вѣтра вѣтки и, выйдя за ворота, со словами: «я вотъ тебя!.. Ишь, негодный!..» — бросила его въ мальчишку, убѣжавшаго отъ возмездія.

— Камнемъ онъ въ нее... Въ ногу попалъ... Кровь!.. Озорной!.. — говорили нищѣ.

Авдѣевъ повернулся, поглядѣлъ вслѣдъ дѣвчкѣ и увидѣлъ на тряпкѣ подъ колѣномъ лѣвой ноги дѣйствительно проступавшую кровь.

Чувство жалости вновь усилилось въ немъ.

«Рубль ей дать, и прочь!..» — мелькнуло у него въ головѣ.

— Какъ зовутъ? — обратился онъ къ нищимъ. — Дѣвчонку-то какъ зовутъ?

— Анной... Анной Даниловой... — послышались голоса въ отвѣтъ.

Авдѣевъ вздрогнулъ и невольно на мгновение замеръ съ бумажнымъ рублемъ, пойманымъ пальцами въ кошелькѣ.

— Какъ? — переспросилъ онъ, не довѣряя слышанному и испытывая странное, почти неприятное изумленіе.

И онъ выпустилъ рубль изъ пальцевъ.

— У-у, паршивый! — ругалась старуха, возвращаясь къ покинутому мѣсту. — Бога въ нихъ нѣтъ, — и, подойдя къ Авдѣеву, она опять, и на этотъ разъ забывъ сдѣлать подобострастное лицо, почти злобно проговорила: — Въ пріютъ бы ее, ваша милость, — (она сдѣлала удареніе на слово «ваша»). — Не издыхать же, какъ кощѣ поганой!.. Дѣвочка, между тѣмъ, остановилась, повернулась и, должно-быть, разслышавъ, что рѣчь идетъ о ней, натянувъ одежду руками, стала вытирать глаза верхомъ рукава (между плечомъ и локтемъ).

— Поди сюда, — помолчавъ, крикнулъ Авдѣевъ (ему хотѣлось разглядѣть эту Анну Данилову).

— Поди, поди! — подбадривая, стали звать нищѣ, дѣлая жесты руками.

Ребенокъ не двигался.

— Анютка! Подь-кось! — крикнула старушка въ военномъ пальто. — Что я-те давеча сказывала!.. Баринъ въ пріютъ отдаетъ!.. Оладьями да блинами кормить будутъ. Иди, дѣвонька, иди! Не бойсь!..

Литературный альбомъ. „Львь рубать, — шёлки летать“, романъ А. К. Шеллера-Михайлова.
Рисунки академича Н. И. Шаховскаго, авт. «Нивы».

Литературный альбомъ. „Жизнь Шупова“, романъ А. Н. Шеллера-Михайлова. Картина А. П. Алсита, авт. «Нивы».

Дѣвочка постояла еще нѣкоторое время въ нерѣшительности, пряча лицо за поднятый локоть, и потомъ вдругъ, все въ той же позѣ, съ поднятымъ локтемъ, медленно стала приближаться къ звавшимъ ее.

Авдѣевъ съ невольнымъ любопытствомъ ждалъ, когда она откроетъ лицо.

— Что-жъ ты закрылася!.. — сказала все та же бойкая старушка въ военномъ пальто, идя черезъ нѣкоторое время навстрѣчу дѣвочкѣ. — Личинько покажи... Да ну, ты!.. Дѣвочка ничего! — черезъ минуту добавила она, обращаясь къ Авдѣеву и, отведя локоть ребенка, стала поднятой полой своего пальто сморкать дѣвочку и обтирать ей лицо.

Авдѣевъ уставился на дѣвочку: нѣтъ, ничего похожаго на ту Анну Данилову не было въ этой Аннѣ. вмѣсто черныхъ большихъ глазъ на него глядѣли маленькіе, свѣтло-голубые, вмѣсто правильнаго лица — широкое и плоское, съ красной отъ слезъ и холода пуговкой-носомъ. вмѣсто темныхъ волосъ — свѣтло-русые, почти бѣлые, вившіеся на лбу и стоявшіе кверху вихромъ.

— Ну!.. Вотъ тебѣ рубль, — помолчавъ, сказалъ громко Авдѣевъ, чувствуя что-то странное при мысли, что этотъ уродливый человѣческій экземпляръ называется, какъ она.

— Батюшка-баринъ, не давайте лучше рубля, а возьмите ее съ собой, — выговорила убѣдительно и вмѣстѣ съ просьбой въ голосѣ старушка, между тѣмъ, какъ баба съ дѣтми приближалась къ Авдѣеву. — На что ей рубль?.. Рубль сейчасъ уйдетъ... Пропеть его Фросинья-то, — отворачиваясь отъ бабы съ дѣтми и понижая голосъ, чтобы та ее не слышала, добавила она и, видя, что Авдѣевъ съ шутивымъ жестомъ и со словами: «на же, на, бери!», все же протянулъ дѣвочкѣ бумажку, старушка перехватила деньги и продолжала: — Баринъ, не надо рубля, сдѣлайте божескую милость, возьмите вы ее сегодня съ собой. Въ память вашихъ упокойниковъ... Чтобы они въ мѣстѣ свѣтлѣмъ... — (она перекрестилась). — Уѣдете — забудете про нее. Сирота она... Съ рубля не разживешься... Баринъ, ваша милость...

И слыша, что Фросинья начинаетъ шопотомъ ругаться, требуя отъ нея рубль, старушка огрызнулась и продолжала умолять гусара насчетъ пріюта.

— Что ты, матушка, — отмахнулася, наконецъ, Авдѣевъ. — Ишь, что выдумала! Что у меня свой пріютъ, что ли? Куда я ее возьму?

И движеніемъ плеча поправивъ шинель и раздавая мелочъ улыбавшимся и торопливо подхватывавшимъ ее нищимъ, Авдѣевъ быстро пошелъ къ воротамъ.

Старушка, не выпуская рубля, побѣжала за нимъ, не обращая вниманія на Фросинью, съ бранью шедшую за ней.

— Анютка!.. — только разъ крикнула она, повернувъ голову къ дѣвочкѣ. — Бѣги за бариномъ... Моли его въ пріютъ... Баринъ хорошій!..

Авдѣевъ слышалъ, какъ она сказала это, и чувствовалъ, что съ ея стороны это была лесть, но ему все же были пріятны ея слова, и пріятно было, что она принимаетъ его за хорошаго человѣка.

— Эй, подавай! — крикнулъ онъ ожидавшему его извозчику, отдавая честь вытянувшемуся кладбищенскому сторожу, и, не глядя назадъ, онъ хотѣлъ-было сѣсть въ дрожки, но старушка догнала его.

— Баринъ, за упокой рабы Божіей Анны... сдѣлайте божескую милость... спасите ребенка... Не ѣсть... спать въ собачьей конурѣ... Вѣдь ей это помирать... какъ кошкѣ бездомной, — запыхавшись, говорила она, и въ большихъ глазахъ ея блеснули слезы.

Авдѣевъ пристально поглядѣлъ старухѣ въ лицо.

— Отчего за упокой Анны? Развѣ ты знала покойную? — внутренно дрогнувъ, спросилъ онъ.

Старуха подумала.

— Нѣтъ, милый, не знала... А сегодня видѣла вотъ

въ церкви и у могилушки, какъ хоронили ее. Царствіе ей небесное.

Старуха опять перекрестилась.

— Да куда-жъ я эту возьму? Что я съ ней дѣлать стану?.. — помолчавъ, сказалъ Авдѣевъ. — Я, матушка, холостой.

— На кухню ее, ваша милость, на кухню. А потомко въ пріютъ. Для господъ все сдѣлають, для нашего брата — нѣтъ, не то, — протянула она. — А для господъ...

Авдѣевъ занесъ ногу въ экипажъ.

— Богъ съ тобой, милая, — началъ-было онъ и вдругъ остановился.

Въ сердцѣ его звучали слова: «въ память рабы Божіей Анны». Отчего она ихъ сказала?.. Богъ знаетъ... Неизвѣстно. Но она сказала ихъ. И эти слова, точно обязывали его сдѣлать что-нибудь... Точно это *та* просила, *та* сказала.

— Ну, полѣзай сюда! — вдругъ неожиданно для себя, обратился онъ къ дѣвочкѣ и, сѣвъ въ дрожки, поставилъ передъ собой замотанное въ сѣрья ветошки маленькое человѣческое существо.

II.

— Твоя? — нагибаясь впередъ, нараспѣвъ спрашивала Авдѣева часъ спустя полная, пожилая, молодившаяся женщина.

Оба они сидѣли въ маленькой, безвкусно убранной гостиной. Авдѣевъ, откинувшись на репсовомъ, съ деревяннымъ ободкомъ креслѣ, стоявшемъ у полированнаго, не накрытаго салфеткой стола; женщина полулежала съ другой стороны стола на парномъ съ кресломъ диванчикѣ.

— Твоя? — повторила она съ сильно слышнымъ *a* вмѣсто *o*, расплываясь въ широкую улыбку.

Авдѣевъ сразу даже не понялъ.

Часъ тому назадъ, когда онъ посадилъ дѣвочку къ себѣ въ дрожки, въ головѣ его мелькнула мысль: вотъ куда можно было бы опредѣлить ее; другой, болѣе порядочный, положительно никто не возьметъ!.. И тотчасъ онъ представилъ себѣ Раису Павловну, или, какъ называла ее за полноту и величину одна его знакомая, «Раисицу Павловицу», ея домашнюю обстановку, ея собаку, приживалокъ, карточныхъ партнеровъ, ея грузное, рыхлое тѣло, ея улыбку, и тотчасъ, представивъ себѣ все это, онъ утвердился въ своемъ намѣреніи.

Теперь, привезя дѣвочку по назначенію, представивъ ее Раисѣ Павловнѣ и получивъ ея согласіе оставить ребенка пока у себя, поглядѣвъ, какъ вводила дѣвочку на кухню довѣренная горничная, она же воспитанница Раисы, Авдѣевъ опять-таки сразу почувствовалъ, что миссія его кончена (тутъ съ голода дѣвочка положительно не умретъ), и вдругъ этотъ странный, бессмысленный вопросъ: «твоя?» — и смутилъ, и даже обидѣлъ его.

— Откуда же моя? — густо покраснѣвъ, отвѣтилъ Авдѣевъ, и въ то время, какъ мыслямъ его представлялась старуха-нищая, молившая его о пріютѣ и потомъ кланявшаяся ему, когда онъ взялъ дѣвочку къ себѣ въ дрожки, онъ, неизвѣстно отчего, краснѣлъ все сильнѣе и, откинувшись, сталъ доставать изъ кармана узкихъ брюкъ серебряный портсигаръ.

— Да вѣдь я не скажу! — все такъ же нараспѣвъ, понижая голосъ, продолжала Раиса Павловна.

— Да полноте, *ma tante*, — перебилъ ее Авдѣевъ. — Я же вамъ разсказалъ, какъ мнѣ ее подсунули... Господи, откуда же такой уродъ у меня!..

И Авдѣевъ все попрежнему, Богъ знаетъ отчего, сконфуженно досталъ папироску, закурилъ ее, потомъ, потянувъ желтый шнурокъ фитиля, спряталъ портсигаръ въ карманъ и неестественно захохоталъ.

Гогольцева помолчала. Она любила всякія «такія» исторіи. Она находила ихъ естественными и ничего дурного не видѣла въ томъ, что у молодца-гусара, или какого другого военнаго, или статскаго будутъ незаконны

дѣти. Какъ же иначе? Она удивлялась, чего только Авдѣевъ скрываетъ это «отъ нея», и откуда у него дѣйствительно такой уродъ, съ кѣмъ онъ прижилъ его, вѣдь не съ Анной же Александровной Даниловой? Или съ ней?.. Какъ же тогда нищая!.. И Гогольцева чувствовала, что она тутъ ужъ положительно ничего не понимаетъ.

Дѣвчонку, между тѣмъ, вели мыть на кухню, и она, боязливо озираясь и ворочая своими маленькими голубыми глазами, шла слѣдомъ за Сашей, тотчасъ по выходѣ изъ гостиной брезгливо выпустившей изъ своей руку.

Дойдя до столовой, пропустивъ дѣвчонку впередъ себя, толкнувъ ее легонько за плечи со словами: «иди, иди, не останавливайся», дѣвушка открыла дверь буфетной и, обращаясь къ кухонному мужику, перетиравшему серебро, и лакею, отдыхавшему на стулѣ, вытянувъ ноги, сказала:

— Новую игрушку Раисы Павловны къ вамъ привела!

— Чего еще за игрушку! — недовольно и вмѣстѣ насмѣшливо вымолвилъ лакей Харитонъ, но, разглядѣвъ нищенку, съ удивленіемъ поднялся со своего мѣста.

Саша, между тѣмъ, не удостоивая его дальнѣйшимъ разговоромъ, ввела дѣвчонку черезъ слѣдующую дверь въ кухню.

— Катерина Ивановна! Вотъ намъ новую свою игрушку присылаетъ Раиса Павловна, — повторила она, саркастически обращаясь къ кухаркѣ.

Кухарка повернулась.

— Что за игрушку такую?.. Опять щенка!.. Господи Иисусе Христе!.. — перебила она самое себя, увидѣвъ дѣвчонку. — Это что-жъ такое? Откуда?..

— Откуда? — Саша пожала плечами. — Не знаю. Авдѣевъ-гусаръ привезъ.

— Авдѣевъ?

Полная любопытства и недоумѣнія, Катерина оставила тѣсто, изъ котораго дѣлала пирожки, повернулась лицомъ къ нищенкѣ и быстро, поднявъ влажныя руки, внимательно оглядѣла ее съ ногъ до головы.

Харитонъ и кухонный мужикъ въ это время тоже вошли на кухню и, обмѣнявшись взглядами съ кухаркой, остановились и тоже уставились на дѣвчонку.

Она стояла, не шевелясь, съ выбившимися изъ-подъ платка прядями бѣлыхъ волосъ, падавшихъ на глаза, и, закрываясь локтемъ отъ взглядовъ прислуги, начинала тихонько не то плакать, не то плащать.

— Чего скулишь? — съ грубой и ласковой простотой обратилась къ ней Катерина. — Какъ звать-то тебя, а-а? — возвысила она голосъ.

Дѣвчонка молчала.

— Звать-то тебя какъ, а-а? — нагнувшись, дискантомъ и въ носъ, деликатнѣй повторила Саша, пока кухарка вытирала, засыпанная мукой и потому странно-бѣлорозовыя руки, съ ясно проступавшими на ладоняхъ морщинами-бороздами, полными бѣлаго порошка.

Нищенка молчала.

— Зачѣмъ онъ ѣ сюда привезъ? — выпрямляясь и оглядываясь на присутствующихъ, съ недоумѣніемъ повторила Катерина и вопросительно уставилась на Сашу.

— Кто-жъ скажетъ, коль нѣмая? — отвѣчала Саша съ странной усмѣшкой, пробѣжавшей по ея тонкимъ, безкровнымъ губамъ, и видя, что на кухню вошли еще новые люди, двѣ горничныя, кучеръ и вернувшаяся изъ мелочной лавки судомойка, она толкнула Анютку къ табурету у стола.

— Не знаю, что ей, поѣсть раньше дать или вымыть ее? — сказала она, также вопросительно обращаясь къ Катеринѣ, игнорируя остальныхъ.

— Поѣсть, — рѣшила Катерина. — Голодна, должно, очинно. Потому и не говорить. Ты щець хочешь? — обра-

тилась она къ Анюткѣ, которую вновь разглядывали вошедшія горничныя, судомойка и кучеръ, предлагая окружающимъ и ребенку все одни и тѣ же вопросы: «Кто она и какъ ее зовутъ?»

— Хочешь, что ли? — повторила кухарка и, не дождавшись отвѣта, подошла къ плитѣ, сняла синюю рваную сахарную бумагу, прикрывавшую вмѣсто крышки большую кастрюлю, и зачерпнула щей оловянной ложкой.

Анютка поглядѣла на нее и потомъ перевела глаза на доску, лежащую на столѣ съ бѣлыми хлѣбцами, посыпанными мукой. Хлѣбцы эти, собственно пирожки, приготовленные къ печи, съ тѣхъ поръ, какъ она вошла на кухню и оглядѣлась, особенно приковывали ея вниманіе, также какъ и корень большой моркови, лежавшей возлѣ нея на столѣ.

Но теперь, поглядѣвъ на нихъ молча, она снова перевела глаза на Катерину, наливавшую въ тарелку дымящихся пахучихъ щей, и, втянувъ ртомъ воздухъ, такъ и застыла.

— Ну, вотъ, поѣшь! — сказала кухарка, ставя передъ ребенкомъ щи и кладя лопотъ черного хлѣба. — Дай, я тебя посажу, — добавила она, прислушиваясь къ тому, что Саша говорила объ Авдѣевѣ съ горничными, и размотавъ платокъ съ головы дѣвочки, она ловко подняла и посадила ее на табуретъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Анютка, окруженная цѣлымъ обществомъ, ѣла медленно, не торопясь, какъ ѣдятъ нищія и вообще крестьяне, жизнью приученные терпѣливо голодать, и вызывала своей медлительностью предположеніе Саши, что, должно, она не такъ давно «кушала».

Прислуга, особенно кухарка и одна старушка-горничная, — кухарка, поставивъ полные голые локти на столъ и прислонивъ къ нимъ голову, съ большими золотыми кольцами въ ушахъ, горничная-старуха, бывшая крѣпостная, изрѣдка вытирая глаза, — пристально смотрѣли на нее.

— Сирота, что-ль?.. Да гдѣ онъ ее добылъ? Жить, что-ль, здѣсь будетъ?.. — спрашивали другъ друга собравшіеся и пожимали плечами, какъ вдругъ раздался голосъ Катерины:

— Ой, милыя, погодите, начала говорить! Ну, дѣвонька, ну!.. Какъ звать-то тебя? Скажи, я тебѣ еще пирожокъ дамъ.

— Анюткой... — отозвалась нищенка сильнымъ голоскомъ.

Всѣ притихли и тѣнѣе обступили Катерину и ея собесѣдницу.

— Анюткой... А, гм! — подтвердила подбадривающе кухарка. — А кто-жъ баринъ тебѣ?

Дѣвчонка помолчала.

— А никто, — потомъ быстро пояснила она.

— Никто-о. Вотъ какъ! А откуда же онъ тебя взялъ? — переглянувшись съ Харитономъ, сказала Катерина.

— Меня ему Орѣхова отдала, — отвѣчала дѣвчонка.

— Орѣхова! А что за Орѣхова така?..

— Орѣхова, старуха... До-о-брая! — сказала дѣвчонка, прожевывая пирожокъ, и голосъ ея изъ силлага перешелъ на очень высокую и чистую ноту.

— До-о-брая, — поддакнула Катерина. — Что-жъ, она тебѣ бабушка?

— Не-е, — Анютка отрицательно помахала головой.

— А мать гдѣ твоя? — спросилъ Харитонъ.

— А померла.

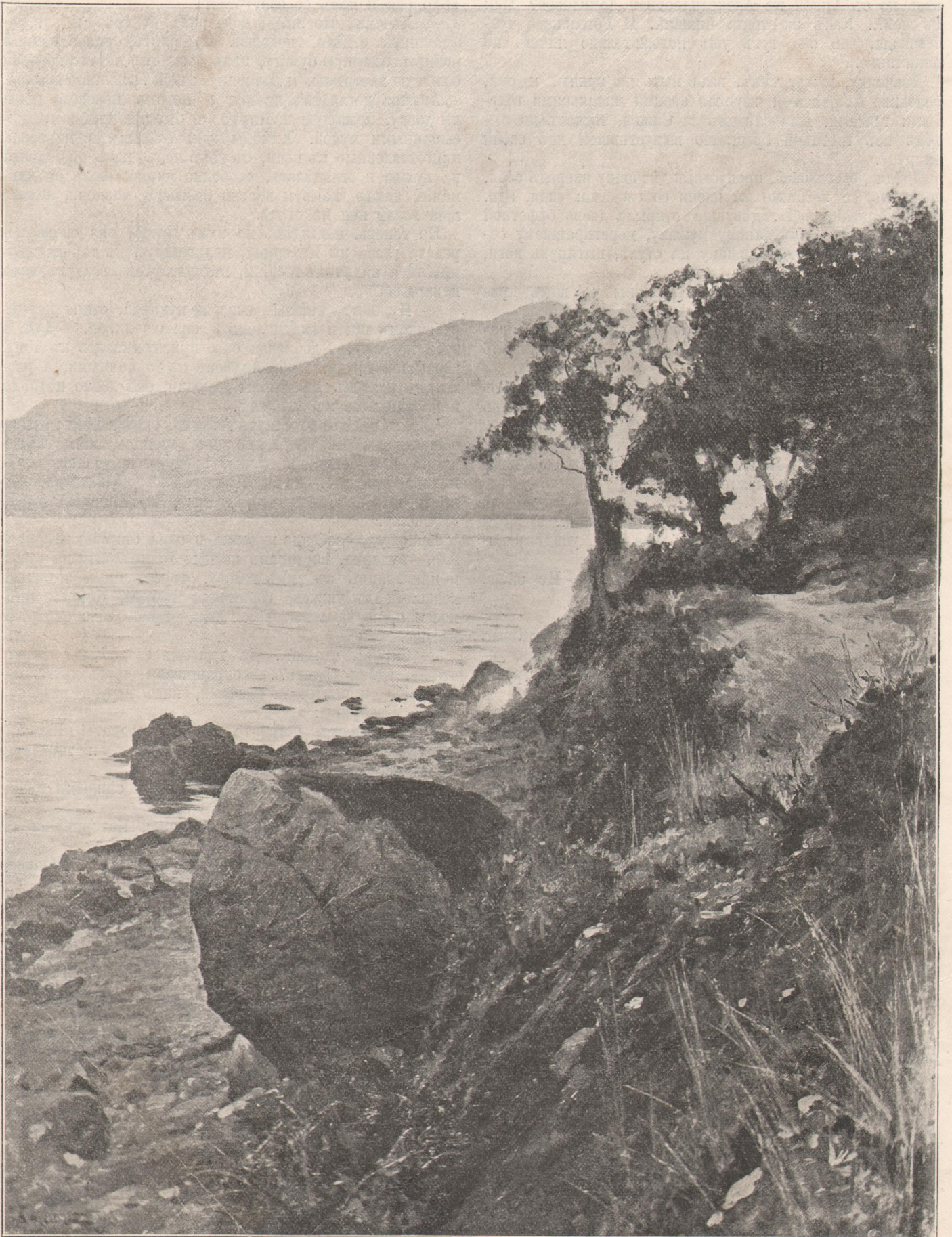
— Давно, что-ль?

Дѣвчонка не отвѣтила.

— Ну, а отецъ тоже померъ?

— Тятка — пьяница, — сказала убѣжденно дѣвчонка, поясняя все социальное положеніе отца однимъ этимъ лаконическимъ опредѣленіемъ.

— Во-о-какъ! — насмѣшливо отозвался лакей.

Осенній вечір в Криму. Картина І. Е. Крачковського, авт. «Нивы».

Китайські монахи (бонзы). Рисунок нашого спеціального кореспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Всѣ засмѣялись.

— Ну, а Орѣхова-то кто? Ты у нея, что-ль, жила? — помахавъ рукой лакею, чтобъ онъ замолчалъ, спросила кухарка.

Анютка, опять прожевавъ кусокъ новаго пирожка, данный сердобольной кухаркой, отрицательно помотала головой.

— Не-е... Не жила... Я у тетки Фросиньи жила. Фросинья...

Черезъ минутъ десять вся кухня, т. е. вся прислуга Гогольцевой, знала исторію Анютки, знала, какъ она жила въ собачьей конурѣ у тетки Фросиньи, какъ ее били, какъ старуха Орѣхова общалась въ пріютъ отдать, гдѣ будутъ оладьями и блинами кормить, и покатывалась со смѣху при вопросѣ Анютки: «а тутъ, што-ль, пріютъ?..»

— Пріютъ, какъ же не пріютъ! Пріютъ, да еще генеральскій! — перемигиваясь со всѣми, острилъ ко всеобщему удовольствію Харитонъ. — И собачій пріютъ, и кошачій, и птичій, и гусарскій... — и острилъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ не надоѣло, и Саша, увидѣвъ, что нищенка кончила ѣсть и сидитъ, переваривая пищу по китайскому этикету, не выбрала ее свиной и пошла за гребнемъ, мыломъ и полотенцемъ, чтобы чистить ее.

— Чистите, чистите! — вслѣдъ ей покровительственно произнесъ лакей, вызывая въ остальныхъ взрывъ хохота, и, такъ же, какъ и эти остальные, чувствуя уменьшеніе интереса къ Анюткѣ, отошелъ отъ нея и пошелъ поглядѣть въ гостиную, не нужно ли еще чаю.

Саша, между тѣмъ, вернулась и, посадивъ ребенка къ окну, заслоненному деревяннымъ въ круглыхъ дырахъ ящикомъ для провизіи, и нагнувъ ей голову лбомъ къ кухонному столу, на которомъ лежали такъ плѣвившіе Анютку бѣлыя, посыпанные мукой, аппетитные хлѣбцы, стала-было расчесывать ей волосы, но, какъ только она притронулась къ головѣ нищенки, она отскочила.

— Что?.. Бѣлоручка!.. — на ея восклицаніе ужаса отозвалась Катерина. — Барышня!.. Ишь, невидаль! — укоризненно добавила она, подходя съ судомойкой къ Анютѣ, и презрительно продолжала, разглядывая волосы: — Что-жь... Тоже человѣкъ... Не господское дитѣ... У какой курицы, аль цыпленка, аль гуся этого-то есть... Какъ щиплешь, такъ и ползуть... Нешто этого не знаешь?.. Этого только господа не знаютъ... Все шлютъ на кухню, съ глазъ долой... А грязь, грязь, что за грязь така! Ну? — и тѣми же самыми руками, которыми она только что перевязывала жаркое цыплятъ, она стала копошиться въ головѣ Анютки.

Саша, охая, побѣжала въ гостиную.

— Раиса Павловна! — прошептала она, пріотворяя дверь и просовывая въ гостиную голову. — Раиса Павловна!

— Что такое? — спросила Гогольцева, и Саша, съ гадливостью поднимая руки и умышленно дрожа ими, стала рассказывать о происшедшемъ.

Авдѣевъ, вставшій уже и прощавшійся, смутился. Раиса Павловна засмѣялась.

— Vous savez, ce n'est pas une princesse que je vous ai amenée... — когда Саша замолчала, сказалъ съ извиняющейся улыбкой Авдѣевъ и, слыша распоряженіе Гогольцевой, чтобы дѣвчонку свести въ баню, а что она сейчасъ поѣдетъ въ гостинный дворъ и купить ей чистое бѣлье и платье, гусаръ началъ опять прощаться и цѣловать пухлую, бѣлую руку Раисы Павловны.

— Ты только мнѣ ея метрику добудь, — провозжая Авдѣева, уже въ передней, говорила Гогольцева. — Et soit tranquille. Je la soignerai comme si c'était ta fille... — добавила она и лукаво заглянула въ глаза Авдѣева, приподвигая ей «родственникомъ», такъ какъ братъ его былъ когда-то женатъ на ея племянницѣ и теперь былъ съ ней въ разводѣ, и сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жизнь.

Въ годы ранней весны безмятежные сны
Видѣлъ я на колѣняхъ родной.
Въ материнскихъ глазахъ, въ ея чистыхъ слезахъ
Заклучилъ я весь міръ мой земной.
Такъ года пронеслись... Предо мною зажглись,
Вдаль маня, вѣстовые огни:
Въ міръ мечтаній и грѣзъ, въ міръ страданій и слезъ
Потянули ребенка они.
И пеленки дитя изорвало шутя,
И со смѣхомъ отбросило ихъ...
Полный вѣры и силъ, въ темноту я спѣшилъ
На призывъ огоньковъ золотыхъ.
Я познанья искалъ, я его призывалъ
Дѣтской вѣры горячей мольбой, —
И въ отвѣтъ тѣмъ мольбамъ вѣщій знанія храмъ,
Полный свѣта, предсталъ предо мной.
У открытыхъ дверей жалась сотни людей; —
А въ святилищѣ хоръ голосовъ
Прославлялъ знанья свѣтъ... И туда робкій слѣдъ
Я направилъ среди слугъ и жрецовъ.
Тотъ, кого я искалъ, — богъ, — къ кому я взывалъ,
Былъ великій незримый кумиръ:
Подъ завѣсой густой онъ стоялъ предъ толпой,
Не внимая, какъ пѣлъ его міръ.
И далеко вокругъ хоры трепетныхъ слугъ
Прославляли его торжество...
Но, какъ полночь, темно, вѣчной тайны полно
Оставалось ихъ божество.

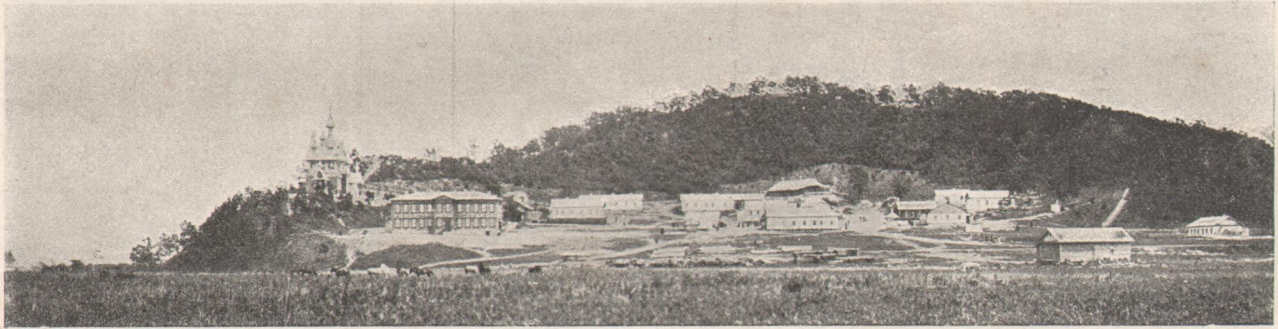
Я вернулся назадъ... Огуманенный взглядъ
Въ темнотѣ новой цѣли искалъ.
И нашелъ ее вновь: я повѣрилъ въ любовь, —
Въ ея свѣтлый, святой идеалъ.
Я въ любовь мою слилъ все, чѣмъ міръ былъ мнѣ милъ:
Цѣль, значеніе и смыслъ бытія; —
Но средь женъ одинокъ, какъ въ отчизнѣ пророкъ,
Оставался непонятнымъ я.
И любовью моей одарилъ я людей
Съ ихъ неправдою, горемъ и зломъ:
Ихъ душевную тьму, вѣковую тюрьму,
Озарялъ я участью лучомъ.
Пронеслось много лѣтъ... И взглянулъ я на свѣтъ,
И увидѣлъ: попрежнему былъ
Онъ великъ, и широкъ, и страданій потокъ
Въ немъ попрежнему волны катилъ.
И, какъ прежде, надъ нимъ къ облакамъ голубымъ
Возносились пророковъ кресты...
У подножья крестовъ звонъ мечей и оковъ
Раздавался среди темноты.
Брата брата убивалъ и въ крови воздвигалъ
Тронъ изъ труповъ, мечей и оковъ, —
И царилъ, какъ герой, надъ безмолвной толпой
Восхищенныхъ и жалкихъ рабовъ.
Я воззвалъ къ небесамъ... Но горячимъ мольбамъ
Не отвѣтилъ рокочущій громъ:
Лишь звѣзда за звѣздой тамъ неслись чередой,
Разъ указаннымъ вѣчнымъ путемъ.

Первая обитель на Дальнем Востоке.

(Съ 4 рис. на стр. 651 и 652).

Подъ такимъ заглавіемъ появилось въ прошломъ году обстоятельное описаніе пріамурскаго Св.-Троицкаго Николаевскаго мужскаго монастыря, владивостокской епархіи, свящ. Г. Ваулина. Въ настоящій моментъ, когда взоры всѣхъ русскихъ людей прикованы къ совершающимся мировымъ событіямъ на Дальнемъ Востоке, стоитъ удѣлить долю вниманія и этой первой обители на нашей восточной окраинѣ, несущей, несмотря на свой юный возрастъ, наравнѣ съ другими, свою скромную службу Богу и родинѣ въ переживаемую нашимъ отечествомъ тяжелую годину.

обитель въ состояніи будетъ содержать на свои средства, и назначилъ настоятелемъ вновь учреждаемаго монастыря игумена Алексія (Осколкова). Послѣдній, послѣ продолжительныхъ исканій подходящаго для обители мѣста въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, прибылъ на занимаемое теперь монастыремъ мѣсто въ августѣ 1895 года, помѣстившись въ близъ находящемся домѣ, ранѣе занимаемомъ начальникомъ телеграфной станціи «Тихменевъ». Собственно, въ то время монастырь не имѣлъ ровно ничего, и первой заботой игумена Алексія было приобрести какой-либо домъ

Уссурийскій Свято-Троицкій Николаевскій монастырь. По фот. авт. «Нивы».

I.

Пріамурскій Св.-Троицкій мужской монастырь находится въ 20 верстахъ отъ станціи «Шмаковка» уссурийской жел. дор., соединяющей Владивостокъ съ Хабаровскомъ, приблизительно на полпути между этими городами. При самой станціи устроено подворье монастыря для остановки прибѣжающихъ богомольцевъ, гдѣ имъ предлагаются монахами всякаго рода услуги. Двдцативерстная дорога отъ станціи до монастыря пролегаетъ по живописной мѣстности; верстахъ въ шести отъ монастыря находятся минеральные источники съ содисто-железистой водой, сильно насыщенной газомъ, пріятной на вкусъ и весьма полезной особенно при желудочныхъ заболѣваніяхъ.

Версты за двѣ до монастыря видны монастырскія строенія: сначала свѣчной заводъ, затѣмъ единственный монастырскій храмъ со множествомъ маленькихъ главокъ. Самый монастырь расположенъ по склонамъ, такъ-называемой, «Преображенской» горы, съ которой открывается чудный видъ на рѣку Уссури, извиляющуюся между горъ и равнинъ, покрытыхъ разнообразной растительностью Южно-Уссурийскаго края, и на ближайшія окрестныя деревни. На этой горѣ монастырь предполагаетъ современемъ, если явятся къ тому средства, соорудить храмъ.

Первоначальная идея—устроить монастырь на далекой окраинѣ, гдѣ-либо въ Пріамурьѣ,—возникла въ шестидесятихъ годахъ у высокопреосвященнаго митрополита московскаго Иннокентія (Вениаминова), бывшаго перваго епископа камчатскаго. Первоначальное же осуществленіе этой мысли относится лишь къ 1894 г., когда св. синодъ разрѣшилъ учредить въ предѣлахъ камчатской епархіи мужской монастырь съ такимъ числомъ братіи, какое

для жилья, каковой и былъ пожертвованъ тогдашнимъ начальникомъ края генераль-губернаторомъ С. М. Духовскимъ. Этотъ домъ пришлось перенести за шесть верстъ отъ его первоначальнаго мѣста, купивъ для этого пять лошадей и нанявъ работниковъ.— Вскорѣ прибыли къ о. Алексію первые его сотрудники-иноки Валаамскаго монастыря іеромонахъ Сергій и іеродіаканъ Германъ, основавшіе первое братство обители. Тяжелая работа закипѣла. Пожертвованный домъ былъ приспособленъ и для домовой церкви, и для трапезной, и для кухни, и для келій братіи. Первымъ насельникамъ обители, во главѣ съ игуменомъ, приходилось и отправлять богослуженіе, и своими руками рубить и вывозить лѣсъ, копать гряды, косить сѣно, готовить пищу и проч. Тяжелый это былъ трудъ. О. игумень сознавалъ, что отъ новой обители ждутъ многого, что на нее возлагаютъ надежду, какъ на духовно-экономическій центръ, долженствовавшій принять участіе въ дѣлѣ колонизаціи Сибири. Но стеченіе разнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ, полнѣйшее отсутствіе матеріальныхъ средствъ и братіи—сломили энергію даже такого бывалаго и непреклоннаго человека, какъ игумень Алексій, жизнь котораго была полна самыми интересными превращеніями. Бывшій артиллерійскій офицеръ изъ стариннаго дворянскаго рода, начавшій службу подъ Севастополемъ, затѣмъ крупный железнодорожный подрдчикъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, объѣхавшій почти весь свѣтъ, наконецъ инокъ русскаго Пантелеймонова монастыря на Афонѣ, проведшій тамъ нѣсколько лѣтъ отшельникомъ, о. Алексій не устоялъ, однако, предъ трудностями въ устроеніи новой обители и, сознавая свои старческія силы и немощи, уволился въ 1897 г. на покой и отбылъ на Афонъ.

При новомъ настоятелѣ, управляющемъ обителью и въ настоя-

Видъ съ горы Преображенской. По фот. авт. «Нивы».

Ученики монастырской школы-общежитія. По фот. авт. «Нивы».

шее время, іеромонахъ, нынѣ игуменъ Сергій, несмотря на всѣ трудности, обитель начала быстро устраиваться во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніяхъ. Мѣстное населеніе, убѣдившись въ самоотверженныхъ и безкорыстныхъ трудахъ насельниковъ монастыря, стало оказывать дѣлу созиданія обители свою посильную помощь; число насельниковъ стало быстро увеличиваться. Въ число братіи вступило много запасныхъ чиновъ арміи и флота, изъ которыхъ большинство были люди грамотные и знающіе разныя ремесла. Благодаря имъ въ монастырь вскорѣ завелись разныя мастерскія.

Благоустроеніе обители, такимъ образомъ, улучшалось, и черезъ семь лѣтъ достигло того благосостоянія, въ которомъ она находится теперь.

II.

Въ настоящее время въ монастырь имѣется недурной деревянный храмъ челоуѣкъ на 700, выстроенный на деньги, пожертвованныя извѣстнымъ иркутскимъ миллионеромъ Иннокентіемъ Михайловичемъ Сибиряковымъ, умершимъ на Афонѣ въ санѣ схимонаха. Дубовый рѣзной иконостасъ—работы братіи. Въ храмѣ выставлены для постоянного почитанія св. мощи—даръ Афонской горы, присланный въ обитель съ благословенія св. синода. По стѣнамъ храма развѣшаны иконы, писанныя на Афонѣ и Валаамѣ.

Недалеко отъ храма, въ 1902 году, построена часовня въ память восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича. На устройство часовни пошла первая порубка изъ лѣс-

Паломники-ученики: русскіе и корейцы. По фот. авт. «Нивы».

Въ періодъ дождей. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

ного участка («кедровник»), съ Высочайшаго соизволенія дарованнаго монастырю въ 1901 году, и находящагося въ 50 верстахъ отъ обители, откуда лѣсъ сплавляется по р. Уссури.

Недалекъ отъ церкви находится главный монастырскій корпусъ, двухэтажный деревянный домъ, гдѣ живутъ: настоятель, казначей и до 30 иноковъ въ кельяхъ, двѣ изъ которыхъ приспособлены, одна подъ иконописную мастерскую и переплетную, другая—подъ фотографію, гдѣ трудятся иноки. Въ верхнемъ этажѣ кромѣ того находятся: канцелярія, бібліотека и запасные покои.

При монастырѣ помѣщается въ особомъ зданіи лавочка для продажи книгъ церковно-богослужебныхъ и религіозно-нравственнаго содержания, иконъ, церковной утвари, ладана и проч. Вблизи лавочки находится больница на нѣсколько кроватей съ хорошей аптекой.

Затѣмъ изъ монастырскихъ зданій можно указать на трапезную, довольно убогую хижину, обмазанную глиной. Монастырь мечтаетъ, собравшись съ силами, построить новую приличную трапезную и при ней храмъ, по древнему иноческому положенію.

Въ монастырѣ три дома для мастерскихъ: портняжной, сапожной, столярно-токарной, шорной, бондарной, колесной, кузнечно-слесарной. Кромѣ того имѣются: а) рыбно-засольный сарай съ копильной, такъ какъ при обилии рыбы (кеты, родъ семги) въ Уссури, монастырь кормитъ самъ себя въ теченіе цѣлаго года; б) зерносушилка и предполагается къ постройкѣ паровая мельница; в) маслобойня, для выработки растительныхъ маселъ; г) кирпичный заводъ, и д) лѣсная пристань.

Въ монастырѣ образцово ведутся огородничество и садоводство, прекрасный скотный и птичій дворы. Наконецъ при монастырѣ имѣется прекрасная пасѣка, начало которой положено въ 1897 году. Весной на пасѣкѣ выставляется до 300 ульевъ, а осенью число это удваивается. Большинство ульевъ—дуплянки, но есть до 100 ульевъ рамочныхъ разныхъ системъ. Сбытъ для воска прекрасный тутъ-же при монастырѣ, гдѣ устроенъ, по инициативѣ и настоянію нынѣшняго епископа владивостокскаго Евсевія, свѣчной заводъ для выработки свѣчей церквамъ владивостокской епархіи. Ежегодно монастыремъ продается до 700 пудовъ свѣчей.

Для паломниковъ и богомольцевъ построены гостиницы. Вблизи одной изъ нихъ находится монастырская школа съ общежитіемъ на 40 мальчиковъ. Обучаетъ учитель-іеромонахъ.

III.

Со стороны внутренней своей жизни пріамурскій Св.-Троицкій монастырь обращаетъ на себя вниманіе строжайшимъ соблюденіемъ общежительнаго устава въ духѣ древняго подвижничества. Весь строй монашеской жизни заимствованъ изъ Валаамскаго монастыря, включительно до строгихъ валаамскихъ нагѣвовъ при богослуженіяхъ. Вся жизнь иноковъ состоитъ изъ непрестаннаго труда и молитвы, которой сопровождается каждое дѣло, почти каждый шагъ. Строжайшее послушаніе волѣ настоятеля, посѣщеніе богослуженій, ежедневно начинающихся въ обители съ трехъ съ половиной часовъ утра, длящихся въ праздники пять-шесть часовъ сряду, и заключающихся общей молитвой послѣ вечерней трезвы,—составляютъ первыя правила въ жизни иноковъ обители.

Строго воспрещается братіи принимать въ келіи кого-либо изъ мирскихъ людей, даже родственниковъ, имѣть свои деньги и вещи: въ обители все общее, никто ничего своего не имѣетъ; безъ благословенія настоятеля рѣшительно ничто не дѣлается. Даже проживающіе въ обители богомольцы должны подчиняться слѣдующимъ правиламъ: 1) безъ благословенія монастырскаго начальства не ходить въ братскія келіи и къ себѣ не принимать никого изъ живущихъ въ монастырѣ; какъ имъ не давать, такъ и отъ нихъ ничего не брать ни подъ какимъ предлогомъ; 2) не оказывать никому изъ живущихъ въ обители частныхъ благоволеній, а полагать въ общую кружку; 3) привозимыя въ монастырь письма на имя проживающихъ въ немъ, передавать лишь черезъ монастырское начальство; 4) курить въ монастырскихъ помѣщеніяхъ и въ присутствіи братіи воспрещается. II нужно сказать, что правила эти не остаются только на бумагѣ. Нечего и говорить, что въ монастырѣ всегда царитъ безусловная трезвость.

Въ настоящее время число всей братіи монастыря доходитъ до 100 человекъ, въ томъ числѣ пять іеромонаховъ, четыре іеродиакона, до 20 монаховъ; остальные—послушники и, такъ-называемые, трудящіеся или испытуемые. Пять лѣтъ тому назадъ въ обители кромѣ настоятеля и казначея было всего 17 послушниковъ и ни одного монаха. Это свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ населенія къ новоустроенной обители, отвѣчающей его духовнымъ запросамъ, хотя нужно сказать, что въ обитель принимаются лица съ большимъ разборомъ и послѣ продолжительнаго испытанія. Кромѣ того о. игумень безусловно отказываетъ въ приѣмѣ иноковъ, переходящихъ изъ другихъ монастырей, какъ лицъ мало благонадежныхъ.

IV.

Такия симпатіи вполне понятны. Хотя обитель и ставитъ цѣлью своей выполненіе и осуществленіе завѣтовъ древней аскетикѣ—прежде всего достиженіе личнаго спасенія и чрезъ это уже спасеніе другихъ и затѣмъ удовлетвореніе духовныхъ нуждъ мірянъ, тѣмъ не менѣе монастырю на первыхъ же порахъ пришлось и теперь приходится въ виду его исключительныхъ условий на далекой окраинѣ, временно нести службу міру, давая такимъ образомъ на практикѣ разрѣшеніе вопросу объ идеалѣ монашеской жизни и о служеніи монаховъ міру, горячо обсуждаемому теперь въ нашей духовной журналистикѣ.

Не говоря уже о томъ, что монастырю до послѣдняго времени приходилось нести службу приходскаго причта для окрестныхъ деревень, при основаніи обители имѣвшихъ ближайшую церковь на разстояніи 80 верстъ, монастырю пришлось нести и чисто культурную работу на пользу неустроеннаго населенія Приморской области. Въ этомъ отношеніи на монастырь возлагали, можетъ-быть, и не совсѣмъ по праву, большія надежды, и онъ, къ его чести, оправдать ихъ на дѣлѣ, видя въ этой дѣятельности указаніе Промысла Божія.

Владивостокъ. Часть города, расположенная на мысѣ Эгершельдъ. По фот. авт. «Нивы».

Пріамурскому монастырю, подобно древнимъ русскимъ обителямъ, приходится выступать съ дѣлами христіанскаго милосердія и просвѣтительной помощью окружающему населенію. При основаніи монастыря, напр., населеніе было удалено отъ школы на 80 верстъ, а отъ врача и больницы на 120 верстъ. Видя безвыходное положеніе крестьянъ, обитель открываетъ у себя на свои скудные средства больницу съ аптекой и школу съ общежитіемъ. Медицинская помощь съ братской любовью каждому оказывается безвозмездно. Въ 1901 г. монастырь удѣлилъ мѣсто и содержалъ бесплатно больныхъ во время пребыванія тамъ глазнаго летучаго отряда отъ попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Обитель приняла въ своихъ стѣнахъ, за время съ 1-го мая по 10 іюня, до 500 больныхъ глазами, причемъ было сдѣлано до 300 операций, благодаря довѣрію населенія къ монастырю. Заѣздящій отрядомъ В. М. Данченко, сообщая между прочимъ о томъ, что монастырь отказался отъ возмѣщенія расходовъ по содержанію отряда и больныхъ, писалъ, что «отрядъ все время находилъ въ монастырѣ рѣдкую предупредительность и готовность послужить и подлѣиться всѣмъ, что было въ его распоряженіи подходящаго для нашихъ цѣлей. Я не говорю уже, какое облегченіе для насъ было въ томъ, что хозяйственная сторона лежала вся на попеченіи администраціи монастыря». Въ маѣ 1903 года въ монастырѣ находился второй такой же отрядъ.

Въ 1902 году, во время холерной эпидеміи, монастырь содержалъ два санитарныхъ отряда, одинъ у себя въ обители, другой, снабженный полной обстановкой, дезинфекціонными средствами и проч., командировалъ въ сосѣднее с. Тихменевъ, во главѣ съ іеромонахомъ, лѣчившимъ больныхъ по указаніямъ врача. Монастырскій отрядъ, при санитарно-медицинской безпомощности въ краѣ, принесть благіе результаты, прекративъ эпидемію.

Нечего распространяться о постановкѣ обученія въ монастырской школѣ, о благотворномъ вліяніи школьныхъ паломничествъ, устраиваемыхъ въ монастырь каждое лѣто. — Заключимъ очеркъ о культурной дѣятельности обители словами бывшаго редактора «Пріамурскихъ Вѣдомостей», г. Сильницкаго.

«Пріамурскій Николаевскій монастырь, говоритъ онъ, заслужилъ

завидную славу в нашем краѣ; годъ отъ году онъ привлекаетъ все большее и большее количество богомольцевъ, которые состоятъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ-новоселовъ; крестьянство Южно-Уссурийскаго края не только отводитъ свою душу въ монастырской церкви, но и наглядно учится тому, какъ пахать *въ нашемъ краѣ* землю, какъ и когда косить сѣно, какъ ухаживать за скотомъ и птицами, какъ смастерить ту или другую вещь деревенскаго обихода». Николаевскій Св.-Троицкій монастырь является культурнымъ центромъ, изъ котораго распространяются сельско-хозяйственные знания въ средѣ здѣшняго населенія, замѣняя собою образованія сельско-хозяйственныхъ помѣщичьи экономіи Европейской Россіи.

Но не о распространеніи только матеріально-экономической культуры заботятся иноки здѣшней обители, а самая главная цѣль ихъ заключается въ спасеніи своей души и ближнихъ своихъ, на которыхъ монахи имѣютъ доброе влияние примѣромъ своей благочестивой и трудовой жизни.

Чего стоитъ одинъ примѣръ всегдашней абсолютной трезвости иноковъ!

Словомъ—съ каждымъ годомъ возрастающее число богомольцевъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорить о томъ, что Св.-Троицкая обитель чѣмъ далѣе, тѣмъ больше становится центромъ духовной жизни нашего Пріамурья.

V.

Наконецъ далеко не чужда Св.-Троицкая обитель и тѣхъ чисто национальныхъ свойствъ, которыя проявила въ свое время знаменитая Троицко-Сергіева лавра. Объ этихъ специальныхъ заслугахъ обители особенно не лишне вспомнить въ настоящее переживаемое нами военное время. Еще въ прошлую китайскую войну монастырь, отстоящій отъ китайской границы всего въ 30 верстахъ, былъ готовъ встрѣтить врага во всеоружіи. Отдавъ должное воинствующей русской арміи: 17 человекъ запасныхъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію, и лучшихъ лошадей для военныхъ надобностей, монастырь и самъ не остался безпомощнымъ, на случай нападенія шаекъ хунхузовъ, бродившихъ въ этой мѣстности. Нужно сказать, что въ то время въ монастырь проживали до 100 человекъ рабочихъ китайцевъ, представлявшихъ весьма ненадежный элементъ. И вотъ по предложенію начальства и съ благословенія своего архипастыря при обители была образована «монастырская сотня», въ которую входило 24 послушника съ рабочими и около 100 человекъ добровольцевъ изъ окрестныхъ деревень, снабженныхъ ружьями и снарядами. Тишина монастырской жизни рѣзко измѣнила свой характеръ: послѣ молитвъ въ храмѣ, вмѣсто обычныхъ послушаній, «дружинники» занимались строевымъ обученіемъ, практической стрѣльбой и несеніемъ охранныхъ карауловъ.

И въ настоящую переживаемую нами русско-японскую войну обитель не осталась безучастной. Матеріальное участіе монастыря въ тяготахъ войны выразилось въ пожертвованіи двухъ откормленныхъ быковъ для владивостокскаго гарнизона и 250 пудовъ приготовленной для себя капусты, предложенной тѣмъ же войскамъ, когда монастырь узналъ, что цѣна на капусту въ Владивостокѣ поднялась до 4 руб. за пудъ. При своихъ скудныхъ денежныхъ средствахъ монастырь нашелъ возможнымъ удѣлить 300 руб. на Красный Крестъ и 100 руб. на усиленіе флота. Затѣмъ монастыремъ предложено принять 25 раненыхъ воиновъ на излѣченіе.

Кромѣ того, монастырю пришлось разстаться съ 30 запасными чинами, призванными въ мобилизацію, частью послушниками, частью готовившимися вступить въ братство обители. Вотъ какъ описано это событіе однимъ очевидцемъ (въ «Пріам. Вѣдом.»). «Рано утромъ, до разсвѣта была отслужена литургія, за которой всѣ воины приобщались св. Таинъ. Послѣ молебна воины въ храмѣ же попросились съ игуменомъ и братією. Каждый при прощаніи получилъ благословеніе—серебряный крестикъ, шейную иконку и маленький карманный молитвенникъ. Замѣтно было, что никто не груститъ, покидая мирное и тихое свое пристанище, потому что каждый сознавалъ, какъ великъ долгъ службы и присяги.

Насельникамъ монастыря болѣе другихъ извѣстно ученіе церкви, а она учитъ, что защита отечества есть лучшее служеніе Богу. Вотъ почему призывъ на войну многіе почитаютъ для себя за особое счастье, особый жребій, данный не многимъ отъ Бога. Всюду слышались слова утѣшенія, укрѣпленія, ободренія отъѣзжающихъ воиновъ; и въ храмѣ, и при трапезѣ, и при отъѣздѣ говорилось одно: радуйтесь, благодарите Бога и уповайте на Него.

Особенно запечатлѣлась такая картина. Поданы лошади, воины спѣшатъ садиться на приготовленные сани, вокругъ которыхъ толпится провожающая братія. Одинъ высокій сѣдоволосый старецъ-послушникъ, одѣтый въ поношенный чернаго сукна кафтанъ, спѣшитъ еще сказать отъѣзжающимъ нѣсколько словъ, переходя отъ одной къ другой подводѣ. По лицу старца катятся крупныя слезы. Не слышно было мнѣ, что говоритъ старецъ, только видно было, что рѣчь убѣдительно и съ любовью принимается молодыми въ сравненіи съ нимъ воинами. «Съ Богомъ» посылались впередъ, всѣ сняли шапки, перекрестились, оглянулись на храмъ и тронулись въ путь. Впередъ ѣхалъ о. игуменъ монастыря и за нимъ на нѣсколькихъ подводахъ братія—воины. Быстро помчались монастырскія лошади, которымъ назавтра предстояло также отправиться для сдачи въ войска.

— Что, дѣдушка, жалко братію?—спрашиваетъ кто-то тихо плачущаго старца, смотрящаго вслѣдъ удалявшимся воиновъ.

— Жалко?!—съ удивленіемъ оглянулся старецъ:— да развѣ

можно жалѣть, коли идуть на такое доброе дѣло—послужить Царю и отечеству? Не жалко мнѣ, а кипитъ мое солдатское сердце, за-слышало оно военную трубу, и рвется, и кипитъ... такъ теперь и полетѣть бы туда, да силъ моихъ нѣтъ; было время не я, а меня провожали, да не разъ, семья и добрые люди на войну съ врагами; проливалъ и я свою кровь, а теперь проливаю слезы о томъ, что не могу болѣе послужить Царю-батюшкѣ. Плачу, что ушли мои силы.

Оказалось, что смиренный старецъ—служака николаевскихъ временъ и притомъ настоящій волякъ.—участвовалъ еще въ венгерскомъ походѣ, не разъ сражался подъ Севастополемъ...

Постоянное общеніе обители съ военнымъ міромъ, выразившееся въ посѣщеніяхъ и перепискѣ, особенно усилилось съ начала войны, ибо духовно-религіозныя потребности войскъ въ виду постоянной опасности усилились. Удовлетворять посильнымъ способомъ такія потребности души иноческаго обителя считаетъ своей важной задачей.

Въ настоящее время съ театра военныхъ дѣйствій—офицеры, нижне чины, матросы, армейцы, артиллеристы, казаки, саперы, пограничники—шлютъ въ монастырь письма съ просьбой помолиться, отслужить молебенъ, поставить свѣчу, прислать въ благословеніе крестикъ или иконку. Больше всего получалось писемъ изъ Портъ-Артура и только осада крѣпости съ моря и съ суши прекратила эту дѣятельную переписку. Монастырь каждому шлетъ съ любовью просимое, получая за это въ отвѣтныхъ письмахъ безконечныя благодарности.

«Боголюбивые труженики и молитвенники наши,—пишетъ какой-то грамотей-матросъ:—пишу Вамъ не отъ себя одного, а отъ всѣхъ своихъ товарищей. Получили мы Ваше письмо и Ваше благословеніе—иконки и крестики. Очень были всѣ рады и довольны. Благословеніе Божіе намъ дороже всего. Съ нимъ не страшны намъ никакія враги, ни смерть въ бою. Еще благодаримъ за Ваше наставленіе, за книжки и троицкія листки и за Ваши молитвы, которыми много укрѣпляетъ насъ. Всѣ мы готовы до послѣдней капли крови постоять грудью за вѣру, Царя и отечество». Далѣе слѣдуютъ подробныя описанія битвы.

Праздники въ Японіи.

Почти всѣ праздники въ культурныхъ странахъ связаны съ христіанствомъ: Пасха, Рождество, Троицныя день, двенадцатые праздники—каждый изъ нихъ приуроченъ къ какому-либо событію изъ библейской исторіи или къ житіямъ христіанскихъ святыхъ. Даже обычный еженедѣльный праздникъ—воскресенье—и тотъ установленъ въ память величайшаго событія христіанскаго міра—Воскресенія Христа.

Существуютъ ли праздники въ Японіи и на чемъ они основываются въ этой языческой странѣ?

Въ Японіи, равно какъ и въ Китаѣ, прежде всего совсѣмъ не существуетъ воскресенья—этого столь дорогаго нашему рабочему человѣку праздника. День за днемъ смѣняются тамъ другъ друга въ однообразной будничной монотонности постояннаго труда. Но жить безъ какихъ-либо «свѣтлыхъ промежутковъ» нельзя, и народный инстинктъ подсказалъ японцамъ, равно какъ и людямъ всего остальнаго міра, необходимость праздничныхъ дней, которые отвлекали бы человѣка отъ сѣрой обыденщины.

У японцевъ религія слабо развита и не наполняетъ собою народной души, какъ у другихъ народовъ. Поэтому они не могли основать свои праздники на ней. Скудная фантазія и неспособность къ отвлеченнымъ понятіямъ заставили японцевъ обратить свое вниманіе на нѣчто болѣе конкретное—на красоту природы, которая въ Японіи, дѣйствительно, прекрасна. И въ ней они, главнымъ образомъ, и нашли основаніе для отвлеченія отъ будничной прозы въ область свѣтлыхъ и веселыхъ празднованій. Такимъ образомъ, въ Японіи существуютъ преимущественно праздники цвѣтотъ. Праздники эти приурочены ко времени цвѣтенья разныхъ растений и деревьевъ: вишни, персиковъ, липы, азалий и пр. Подобныя цвѣточныя торжества происходятъ почти каждый мѣсяцъ.

Наиболѣе великолѣпнымъ торжествомъ является праздникъ хризантемъ, справляемый японцами въ октябрѣ. Съ давнихъ поръ этотъ праздникъ справляется особенно пышнымъ образомъ и съ наибольшими издержками.

Простой народъ отправляется тогда толпами за городъ рвать прелестные цвѣты, чтобы украшать ими свои жилища. Знатные же и богатые люди развѣзжаютъ по рѣкамъ и озерамъ въ великолѣпно разукрашенныхъ цвѣтами и зеленью лодкахъ. При этомъ они играютъ на струнныхъ национальныхъ инструментахъ, поютъ и декламируютъ стихи. Чрезвычайно пышно празднуется день хризантемъ при дворѣ микадо: приглашенные гости, одѣтые въ цилиндры и фраки, собираются во дворцѣ, построенномъ въ старояпонскомъ стилѣ, и стѣны этого дворца странно дисгармонизируютъ съ ихъ современными европейскими костюмами. Дворецъ и прилегающій къ нему садъ постепенно наполняются публикой до полной тѣсоты;—и, вотъ, раздастся возгласъ: «Микадо!» Шумъ и говоръ смолкаютъ; всякій занимаетъ предначинанное ему по этикету мѣсто, и правитель Японіи, сопровождаемый звуками японскаго марша, серьезно и тихо проходитъ со своею супругой, свитою и придворными дамами по дворцу. Онъ здоровается кое съ кѣмъ за руку и тихо бесѣдуетъ съ ними. Послѣ церемоніи привѣтствованія, микадо отправляется вмѣстѣ съ окружающимъ обще-

Командир 57 мотланского пех. полка, полковник К. И. Кондрачин, убитый в боях под Мукденомъ.

Командир 214 пех мотланского полка, полковник Л. П. Добычинъ, смертельно раненый под Мукденомъ 27 февраля и умерший 28 февраля.

Командир 123 колдовского пех. полка, подполковникъ багровъ А. К. Фоль-Медель, убитый в бою под Мукденомъ.

Капитанъ 16 саперного батальона И. Ив. Лепко, раненый на вылетъ в Грудъ под Мукденомъ.

Капит. Моск. окр. интелд. дивизион. интендантъ 6 вост.-сиб. стр дивизии Г. Д. Удеръ, Цао-мъ-одзы и подъ Лянонь.

Штабс-капитанъ 10 омского сиб. пех. полка Н. Ножкинъ, раненый у дер. Цао-мъ-одзы и подъ Лянонь.

Штабс-капитанъ 282 черноярского пех. полка Д. Н. Соколовъ, убитый в бою при дер. Бенкигузъ.

Шт.-капит. 4 вост.-сиб. стрѣлк. полка Я. К. Карухъ, контуженъ подъ Ляонью и раненый у дер. Базыленой десятью пулями во все части тѣла; погнѣвись, возвратился снова на позицію.

Поручикъ 4 восточно-сибирского полка Г. З. Чинчидзе, раненый в бою под Мукденомъ.

Поручикъ 17 восточно-сибирского полка Д. Н. Алексеевъ, убитый в бою под Мукденомъ.

Под. 10 стр. полка Л. А. Добровольский, участвовавшій и контуж. в бояхъ под Мукденомъ, приняв. начальство надъ остаткомъ полка въ 108 человекъ при 2 офицерахъ, пробился сквозь японские ряды, окруживъ ше его со съезъ сторонъ, и спасъ знамя.

Подпоруч. 35 восточно-сибирского полка В. Е. Кольцовъ, раненый в бою подъ Сан-депу 15 января.

Подпоручикъ 139 пех. моршанского полка И. Г. Гринкуровъ, убитый в бою под Мукденомъ.

Подпоручикъ 3 вост.-сибирского саперного батальона Г. А. Антоновъ, убитый во время разбѣжки при деревнѣ Бенкигузъ.

Подпоручикъ 213 пех. оравайского полка В. И. Мельниковъ, тяжело раненый въ послѣднихъ бояхъ под Мукденомъ.

Подпоручикъ 284 чебарбарского пех. полка Н. А. Калантаровъ, раненый на гутлинискомъ перевалѣ у дер. Пацудза.

Подпор. 3 вост.-сиб. стр. полка В. Т. Трофимовъ, убитый на рѣкѣ Хунъ-хэ.

Подпоручикъ 9 пех. интерманланскаго полка А. С. Новичкинъ, раненый в бою под Мукденомъ.

Подпоручикъ 214-го мотланского полка Н. А. Дмитриевъ-Маношь, убитый в бою под Мукденомъ.

Подпор. Новочеркаскаго пех. полка Д. Ф. Гигоревъ, убитый в бою под Мукденомъ.

Подпоручикъ 99 ивангородскаго пех. полка П. К. Приходко, убитый в бою под Мукденомъ.

Подпоручикъ 35 вост.-сиб. стр. полка Г. А. Бу, раненый подъ Сандегу.

Подпоручикъ 138 болдовскаго пех. полка М. О. Лениновъ, пропавшій безъ вѣсти в бою под Мукденомъ.

Подпоручикъ 17 стр. полка А. П. Миклашевский, раненый в инсарскихъ бояхъ.

Подпоручикъ 10 новонгерманландскаго пех. полка А. Т. Ебло-бородовъ, раненый в бою под Мукденомъ.

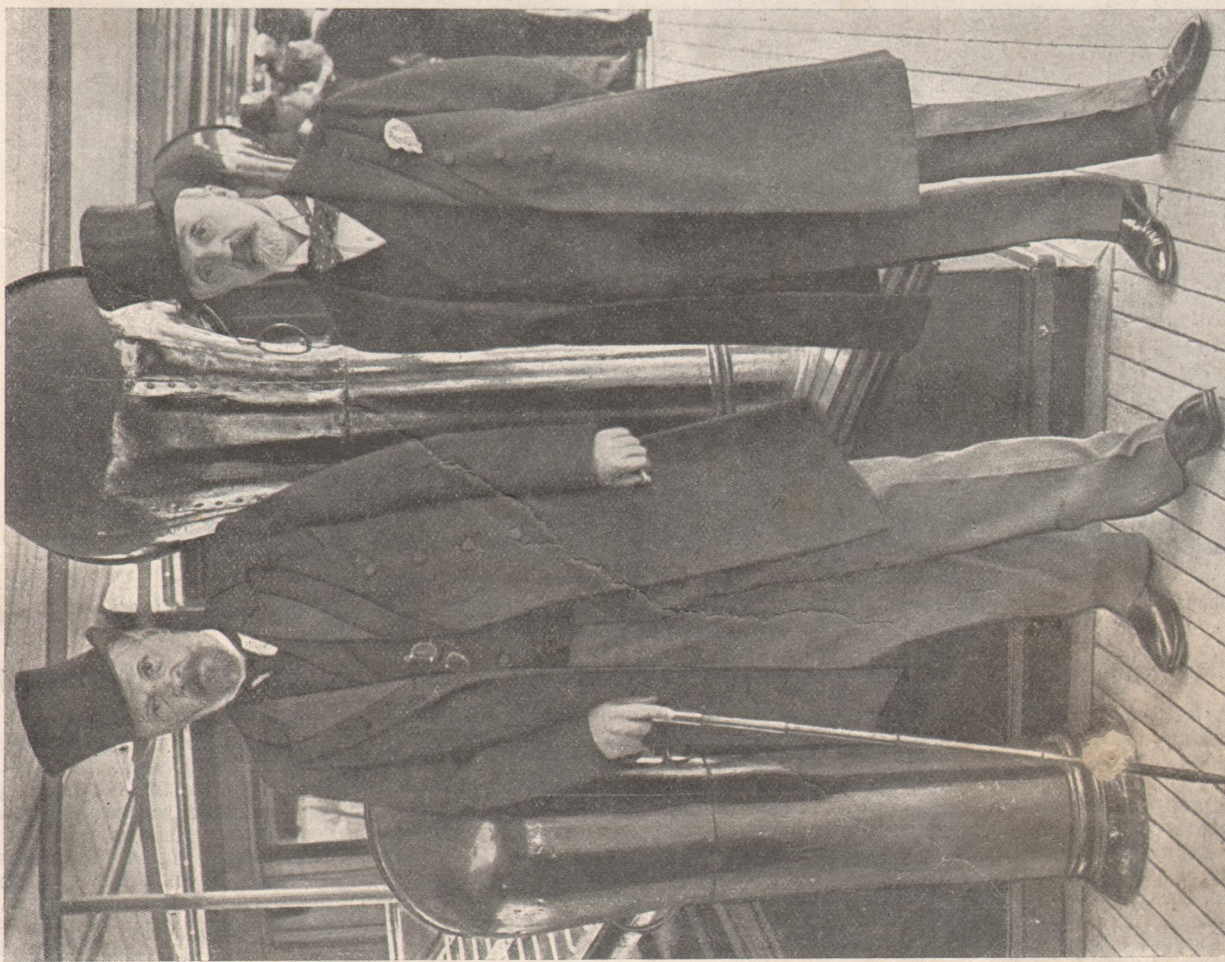
Подпоручикъ 10 новонгерманландскаго пех. полка П. С. Коротыкинъ, раненый при дер. Хан-чен-пу под Мукденомъ.

Подпор. 11 псковскаго генералъ-фельдмарш. князя Кузова-Смоленскаго полка М. С. Амратовъ, раненый в бою под Мукденомъ.

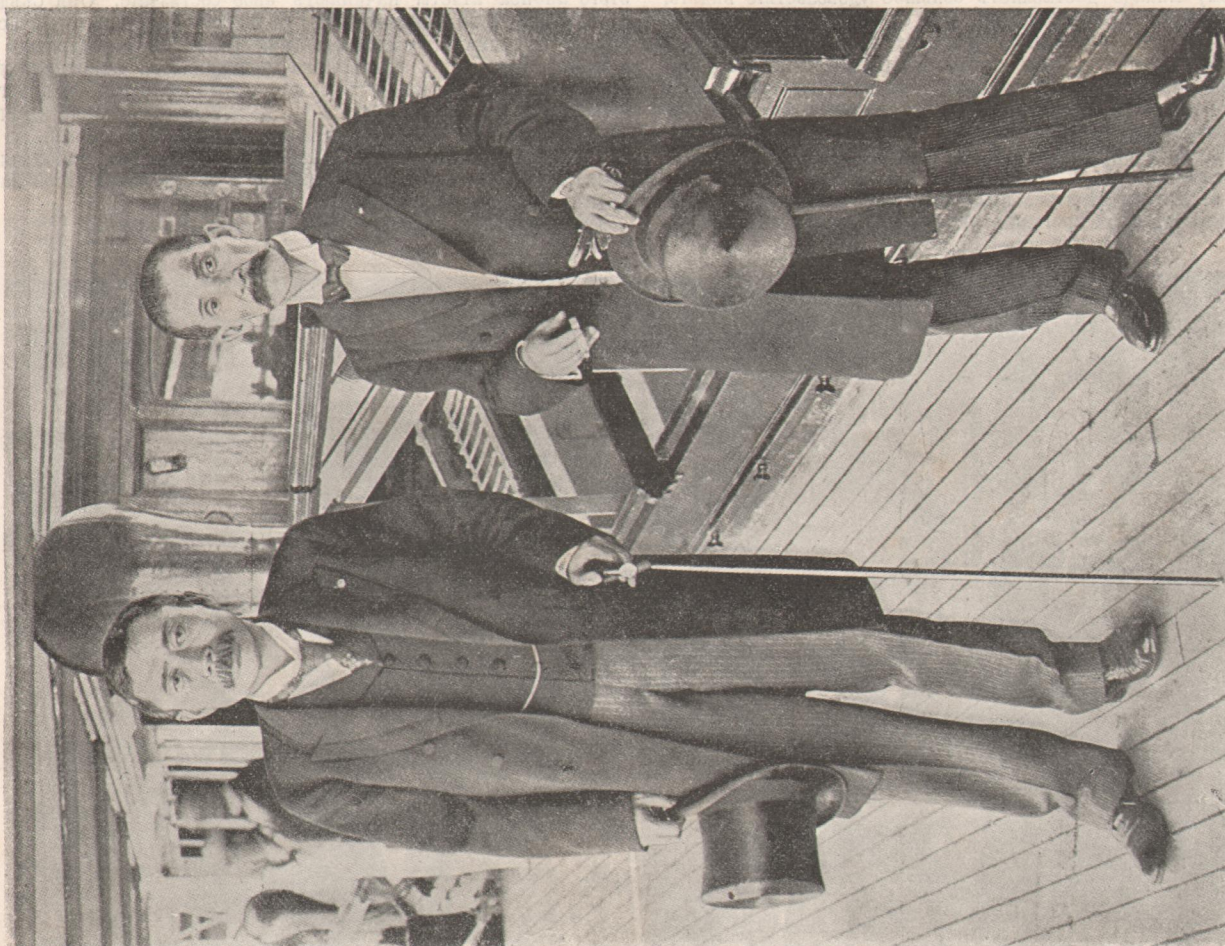
Подпоручикъ 214 мотланскаго пех. полка Н. А. Максимовъ, раненый в бою под Мукденомъ.

С. Ю. Витте.

Баронъ Розенъ.

Къ мирной конференціи въ Портсмутѣ. Русскіе и японскіе главные уполномоченные на пути въ Портсмутъ.

Такахира.

Баронъ Комура.

По стереоскопической фотографии Ундервуда и Ундервуда, авт. «Нивы».

ством въ оранжереи — полюбоваться великолѣпными хризантемами. Самому миладѣ доставляетъ большое удовольствіе видѣть, какое впечатлѣніе производятъ на его спутниковъ эти чудные цвѣты, поражающіе разнообразіемъ своихъ красокъ, размѣровъ и сортовъ. Нужно замѣтить, что хризантемы являются въ Японіи, поистинѣ, государственнымъ цвѣткомъ, такъ какъ онѣ украшаютъ собою государственный гербъ. Существуетъ также и «орденъ хризантемы», даваемый за особо важныя заслуги: оттого-то праздникъ хризантемъ и справляется такъ торжественно и официально при императорскомъ дворѣ.

Повсюду въ Японіи въ этотъ праздникъ прекращаются работы; жители предпринимаютъ прогулки, украшаютъ хризантемами свои

и громогласно объявляетъ публикѣ имена двухъ борцовъ. Послѣ этого анонса атлеты начинаютъ свое состязаніе. Они събѣгаютъ прежде всего по щепоткѣ соли (это должно принести имъ счастье!). Затѣмъ упираются руками и ногами въ землю и натраиваютъ руки землей. Послѣ того, противники похаживаютъ нѣкоторое время другъ около друга, кидаютъ молниеносные взгляды — и вдругъ съ неистовымъ воемъ бросаются одинъ на другого. Побѣжденнымъ признается тотъ, кто улетитъ внизъ съ землей на сыпи.

Спустя нѣсколько минутъ, оба атлета, рука объ руку появляются снова наверху — умытые, чистенькіе и съ улыбающимися лицами снова представляются зрителямъ.

Такъ чтится японцами память народныхъ героевъ.

С. Ю. Витте.

Баронъ Розенъ.

Президентъ Рузвельтъ.

Баронъ Комура.

Такахира.

Къ мирной конференціи въ Портсмутѣ. Русскіе и японскіе главные уполномоченные вмѣстѣ съ президентомъ Рузвельтомъ. По стереоскопической фотографіи Ундервуда и Ундервуда, авт. «Нивы».

дома. Во многихъ городахъ устраиваются великолѣпныя выставки цвѣтовъ.

Наряду съ праздниками цвѣтовъ, особеннымъ почетомъ пользуется праздникъ въ память павшихъ въ сраженіяхъ воиновъ. Этотъ праздникъ, справляемый въ іюнѣ, проводится японцами очень весело и сопровождается разными играми и забавами, хотя память умершихъ, казалось бы, слѣдовало чтить болѣе серьезнымъ образомъ. Народъ стекается въ эти дни на различныя зрѣлища, наполняетъ множество будокъ и балагановъ, глаза на театральныя представленія и панорамы. Восторгъ увеселяющихся достигаетъ своего апогея, когда предъ публикою появляются палочные бойцы и борцы. Оригинальныя борцы: на земляномъ валу появляются двѣ обнаженныя фигуры, единственный костюмъ которыхъ составляетъ небольшой поясъ. Вмѣстѣ съ ними влѣзаетъ наверхъ третій человѣкъ съ огромнымъ вѣромъ въ рукахъ, становится впереди ихъ

Иллюстраціи къ романамъ А. К. Шеллера-Михайлова. (2 рис. на стр. 644 и 645).

Романы А. К. Шеллера, хорошо знакомые нашимъ читателямъ, даютъ чрезвычайно богатый матеріалъ для художника: настолько изобилуютъ они живыми сценами и характерными типами. Рисунки академика Н. Шаховскаго и худ. А. Апсита, воспроизведенные въ настоящемъ № «Нивы», иллюстрируютъ эпизоды изъ романовъ «Жизнь Шупова» и «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Въ свое время намъ уже не разъ приходилось говорить объ этихъ романахъ и наши читатели, знакомые съ ними, навѣрное, сразу узнаютъ на одномъ изъ рисунковъ характерную фигуру дяди Шупова, окруженнаго жалующимися ему на приказчика крестьянами. Другой же рисунокъ переноситъ насъ въ богато убранную столовую статскаго совѣтника Даниила Захаровича Боголобова, читающаго строгую по-

тацию своей бѣдной родственницѣ. Типическая фигура этого петербургскаго чиновника прежнихъ временъ встаетъ предъ нами во всемъ своемъ величии.

Ходъ мирныхъ переговоровъ.

(Политическое обозрѣніе).

Шумная демонстрація французскаго флота, встрѣтившагося съ англійскимъ въ европейскомъ Портсмутѣ, норвежскій плебисцитъ, подтвердившій большинствомъ голосовъ принятое стортингомъ рѣ-

канцевъ, и въ этомъ направленіи дѣлають огромные и несомнѣнные успѣхи. У Россіи и Америки есть пункты, въ которыхъ ихъ интересы вполне солидарны и которые, слѣдовательно, при болѣе здоровомъ освѣщеніи запутанныхъ вопросовъ дипломатіи, могли бы послужить фундаментомъ для возрожденія старой традиціонной дружбы раздѣленныхъ океаномъ народовъ и приданія ей менѣе платоническаго и болѣе реальнаго характера. Полагая, что огромнымъ вліяніемъ въ плутократической Америкѣ пользуются еврейскіе финансисты, недовольные Россіею за неравноправное положеніе въ ней ихъ единовѣрцевъ, нашъ уполномоченный по

Къ мирной конференціи въ Портсмутѣ. Прибытіе русскихъ главныхъ уполномоченныхъ С. Ю. Витте и барона Розена. По стереоскопической фотографіи Ундервуда и Ундервуда, авт. «Нивы».

шеніе о разрывѣ уніи со Швеціею — все это сравнительно очень крупныя событія международной жизни, но они совершенно ступовываются передъ тѣмъ напряженнымъ интересомъ, съ которымъ весь міръ слѣдитъ за ходомъ дипломатической борьбы, происходящей въ настоящее время въ американскомъ городкѣ Портсмутѣ. С. Ю. Витте и баронъ Комура выступили въ качествѣ гладиаторовъ мировой арены и уже успѣли обнаружить недожинную ловкость и силу, какъ въ нанесеніи, такъ и въ отраженіи ударовъ. Повидимому нашъ уполномоченный задался цѣлью не только установить миръ съ японцами, но также завоевать симпатіи амери-

веденію мирныхъ переговоровъ съ Японіею успѣлъ уже устроить совѣщаніе съ главными представителями еврейскихъ банкирскихъ домовъ Новаго Свѣта. Поскольку непосредственною ставкою портсмутскаго единоборства является завоеваніе американскихъ симпатій, постольку С. Ю. Витте явно беретъ верхъ надъ барономъ Комурой. Огромнымъ козыремъ въ этой борьбѣ является открытая готовность нашего уполномоченнаго вести переговоры гласно, безъ всякой тайны, безъ конспираціи по отношенію третьихъ лицъ. Можно заподозрить, что баронъ Комура поставилъ свою цѣлью не столько заключеніе мира съ

Россией; сколько дерзкое третирование последней в качестве побужденной стороны. Повидимому в этом смысле надо понимать его ребром поставленные возражения против участия в переговорах всемирно известного ученого профессора Мартенса. В этом же смысле следует понимать и игру с забытыми дома Комуры и ясно недостаточными предлогами

этих полномочий, благодаря которым Комура оказался якобы не в правъ даже разсматривать русскія предложения, что и принудило конференцію заняться обсужденіем только тѣхъ условий, которыя предложила Японія.

Разумѣется, Россія безъ всякой утраты престижа, совершенно спокойно игнорируетъ всѣ эти мелкіе фокусы дипломатическаго искусства и, разсматривая японскія «требованія» хотя бы и по японскому меморандуму, должна на каждый непріемлемый пунктъ отвѣчать категорическимъ отказомъ.

Россія сдѣлала все, что могла, для предотвращенія дальнѣйшаго проволочнаго обнаруженія огромную уступчивость, результатомъ которой явилось установленіе соглашенія, достигнутаго по слѣдующимъ пунктамъ: 1) Россія признаетъ преобладающее вліяніе Японіи въ Корей, съ правомъ Японіи ограждать гражданскій порядокъ страны и давать императору Кореи совѣты въ вопросахъ финансовыхъ и военныхъ. Съ своей стороны Японія обязуется охранять территориальную цѣлость Кореи и, какъ полагаютъ, политику открытыхъ дверей; 2) принято взаимное обязательство очистить Манчурію; 3) принято обязательство со стороны Японіи возстановить въ Манчуріи китайскій суверенитетъ и гражданскую администрацію; 4) принято взаимное обязательство признавать въ будущемъ территориальную неприкосновенность и административное единство Китая вмѣстѣ съ Манчуріей, а также принципъ равенства для всѣхъ націй въ Манчуріи въ отношеніи промышленности и торговли, т. е. принципъ открытыхъ дверей; 5) по вопросу объ уступкѣ Японіи Сахалина со стороны Россіи полученъ отказъ и окончательное рѣшеніе вопроса отложено; 6) принята передача Японіи русскихъ

арендныхъ договоровъ на Ляодунскій полуостровъ, включая Портъ-Артуръ и Дальній, а также острова Вондъ и Элліотъ; 7) принята передача Китаю, посредствомъ соглашенія съ Японіей, вѣтви китайской желѣзной дороги къ югу отъ Харбина до Портъ-Артура и Нью-Чжуана, вмѣстѣ съ возвращеніемъ всѣхъ привилегій, полученныхъ Россіей по договору 1898 г. Пунктъ этотъ принятъ лишь въ

принципѣ, окончательное соглашеніе по нему отложено; 8) ограничена концессія, приобретенная у Китая въ 1896 году Ротштейномъ и кн. Ухтомскимъ для проведенія желѣзнодорожной вѣтви черезъ сѣверную Манчурію, съ цѣлью соединить Сибирскую желѣзную дорогу съ Уссурийскою. Ограниченіе это принято въ такомъ видѣ, что право собственности и эксплуатаціи линіи будетъ принадлежать китайской желѣзной дорогѣ, причемъ предусматривается возможность замѣны на этой линіи китайской императорской полиціи русскою желѣзнодорожною стражею; 9) возмѣщеніе Японіи военныхъ издержекъ отвергнуто; дальнѣйшее обсужденіе этой статьи отложено; 10) при обсужденіи вопроса о передачѣ Японіи русскихъ военныхъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ водахъ Дальняго Востока, произошло разногласіе, рѣшеніе вопроса отложено; 11) отложено также, вслѣдствіе разногласія, рѣшеніе вопроса объ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ; 12) предоставленіе японскимъ поданнымъ права рыбной ловли въ русскихъ территориальныхъ водахъ къ сѣверу отъ Владивостока до Берингова моря принято единогласно. Дальше идти намъ некуда, «ибо, какъ сказалъ С. Ю. Витте, есть граница между уступкой и униженіемъ». Никто изъ нашихъ дипломатовъ не въ правѣ от-

Къ мирной конференціи въ Портсмутѣ. Русскій главный уполномоченный С. Ю. Витте бесѣдуетъ съ японскимъ главнымъ уполномоченнымъ барономъ Комурой на палубѣ яхты «Майфлюеръ» («Майскій цвѣтокъ»). По стереоск. фот. Ундервуда и Ундервуда, авт. «Нивы».

дать японцамъ наши разоруженныя суда, территорию Сахалина и милліарды народнаго достоянія. Много указаній говоритъ за необходимость продолженія войны, но теперь, послѣ неудачной миссіи самаго миролюбиваго уполномоченнаго, вся Россія будетъ уже ясно знать, за что ведется эта война и обнаружить скрытую въ ея груди колоссальную энергію для защиты своихъ границъ, своихъ правъ и своихъ реальныхъ политическихъ интересовъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Испорченная натура. Повесть кн. М. В. Волконской.—Жизнь. Стих. С. Караскевич.—Первая обитель на Дальнемъ Востокѣ.—Праздники въ Японіи.—Иллюстраціи къ романамъ А. К. Шеллера-Михайлова.—Ходъ мирныхъ переговоровъ. (Политическое обозрѣніе).—Объявленія.

Р И С У Н К И: Сытые.—Литературный альбомъ. «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», романъ А. К. Шеллера-Михайлова.—Литературный альбомъ. «Жизнь Шупова», романъ А. К. Шеллера-Михайлова.—Осенній вечеръ въ Крыму.—Китайскіе монахи (бонзы).—Уссурийскій Свято-Троицкій Николаевскій монастырь.—Видъ съ горы Преображенской.—Ученики монастырской школы-общенія.—Паломники-ученики: русскіе и корейскіе.—Въ періодъ дождей.—Владивостокъ. Часть города, расположенная на мысѣ Эгершельдъ.—Полковникъ К. І. Кондрацій.—Полковникъ П. П. Побыванецъ.—Подполковникъ баронъ А. К. фонъ-Медемъ.—Капитанъ И. Ив. Лепко.—Капитанъ Т. Д. Костицынъ.—Штабсъ-капитанъ Н. Ножинъ.—Штабсъ-капитанъ Д. Н. Соколовъ.—Штабсъ-капитанъ Я. К. Кархъ.—Поручикъ Г. З. Чикоидзе.—Поручикъ Д. Н. Алексѣевъ.—Поручикъ Л. А. Добровольскій.—Подпоручикъ В. Е. Нольцовъ.—Подпоручикъ И. Г. Грикуровъ.—Подпоручикъ Г. А. Антоновъ.—Подпоручикъ В. И. Мельниковъ.—Подпоручикъ Н. А. Калантаровъ.—Подпоручикъ В. Т. Трофимовъ.—Подпоручикъ А. С. Новицій.—Подпоручикъ Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.—Подпоручикъ Д. Ф. Григорьевъ.—Подпоручикъ П. К. Приходко.—Подпоручикъ Г. А. Бо.—Подпоручикъ М. О. Пелиновъ.—Подпоручикъ А. П. Миклашевскій.—Подпоручикъ А. Т. Блородовъ.—Подпоручикъ П. С. Котельниковъ.—Подпоручикъ М. С. Амираговъ.—Подпоручикъ Н. А. Максимовъ.—Къ мирной конференціи въ Портсмутѣ. 1) Русскіе и японскіе главные уполномоченные на пути въ Портсмутъ. 2) Русскіе и японскіе главные уполномоченные вмѣстѣ съ президентомъ Рузвельтомъ. 3) Прибытіе русскихъ главныхъ уполномоченныхъ С. Ю. Витте и барона Розена. 4) Русскій главный уполномоченный С. Ю. Витте бесѣдуетъ съ японскимъ главнымъ уполномоченнымъ барономъ Комурой на палубѣ яхты «Майфлюеръ» («Майскій цвѣтокъ»).

Къ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова» книга 39.